

Котенко Иван Владимирович

КАТЕГОРИЯ "ДОБЛЕСТЬ" В РУССКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья раскрывает содержание категории "доблесть" в ракурсе русской аристократической культуры. На основе текстов культуры конца XVIII - начала XIX в. рассматриваются качества, которые входят в понятие "доблесть", а также аспекты проявления этих качеств. Особое внимание уделяется источникам личного происхождения, отражающим мировоззрение аристократии. Устанавливается двойственность содержания категории доблести, а также возможность подмены содержания в категории вследствие различия ценностных ориентиров индивидов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 107-109. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

THE BEKHTEREVS IN THE LIGHT OF PERSONALIZED MICROHISTORY

Irina Valer'evna Kornilova, Ph. D. in History, Associate Professor

Timur Al'bertovich Magsumov, Ph. D. in History

Department of History and Social-Classical Disciplines

Naberezhnye Chelny State Pedagogical Institute

ivkornilova@list.ru; nabonid1@yandex.ru

The authors review the monograph of Ph. D. in Medical Sciences, psychiatrist A. G. Komissarov "Descend from Heroic Stem" (Naberezhnye Chelny, 2011. 236 p.) devoted to the little-studied biography of the great Russian scientist, academician V. M. Bekhterev (1857-1927), and pay particular attention to the historical-genealogical research of the Bekhterevs dynasty, as well as the eventful history of the Bekhterevs homeland - village Sarali of Elabuga district of Vyatka province.

Key words and phrases: V. M. Bekhterev; village Sarali; Bekhterevs dynasty; descendants.

УДК 130.2

Культурология

Статья раскрывает содержание категории «доблесть» в ракурсе русской аристократической культуры. На основе текстов культуры конца XVIII - начала XIX в. рассматриваются качества, которые входят в понятие «доблесть», а также аспекты проявления этих качеств. Особое внимание уделяется источникам личного происхождения, отражающим мировоззрение аристократии. Устанавливается двойственность содержания категории доблести, а также возможность подмены содержания в категории вследствие различия ценностных ориентиров индивидов.

Ключевые слова и фразы: аристократия; аристократическая культура; текст культуры; героизм; доблесть; слава; честолюбие; свобода; достоинство; честь; патриотизм.

Иван Владимирович Котенко

Кафедра истории России

Томский государственный педагогический университет

scipio@lenta.ru

КАТЕГОРИЯ «ДОБЛЕСТЬ» В РУССКОЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ[©]

В условиях системного экономического, политического и духовного кризисов в современной России произошла частичная утрата традиционных нравственных ценностей, породившая опасность морально-нравственной деградации личности. Человек, аксиологические установки которого искажены, подвержен внутреннему разложению, развращенности, равнодушию, потребительскому отношению к жизни и в определенном смысле является рабом. Рабу, свободному лишь потреблять, в античной и европейской культурах противопоставляется человек, утверждающий свою свободу в героизме. Поэтому максима «народ жив, пока живы его герои» обладает значительной общественной ценностью, требующей научной интерпретации.

Несмотря на то, что тема героизма привлекает внимание исследователей [6; 8; 10], зачастую вне поля зрения ученых остается такая основополагающая категория героического, как доблесть, которая является высшим проявлением героизма [2, с. 1098] и без которой невозможно понимание героизма. Одним из носителей героизма является аристократия. Категория доблести содержится уже в самом термине «аристократ», так как корнем в нем является греческий термин «арете», который в основном смысле означает «добродетель», «доблесть», «совершенство», «достоинство» или «превосходство» любого вида [7, с. 166]. Таким образом, доблесть является одной из доминант аристократической культуры, в том числе и русской.

Вышеизложенное позволяет сформулировать цель настоящей статьи, в качестве которой выступает анализ содержания категории «доблесть» в русской аристократической культуре. Для этого необходимо выяснить, какие качества входят в понятие доблести, а также в каком контексте они проявляются, исходя из мотивов совершения подвига.

Актуализация категории доблести относится к концу XVIII – началу XIX в., когда в России формируется аристократическая культура европейского типа. В текстах именно этого периода можно наиболее четко увидеть основные качественные характеристики доблести. Ими являются в первую очередь «достоинство», «совершенство», «добродетель» и сопряженные с этими достоинствами подвиги. Однако контекст упоминания этих качеств был различным. Так, например, доблесть могла пониматься как высшее проявление честолюбия и способ отличиться. В этом случае подвиги совершались с целью получения материальных благ или славы.

Способом получения славы считалась прежде всего государственная служба. Характерно, что русская культура не создала образов беспристрастного судьи, справедливого администратора – бескорыстного защитника слабых и угнетенных. Чиновник в общественном сознании всегда ассоциировался с крючкотвором и взяточником. Поэтому служить молодые люди в начале XIX века предпочитали в военном ведомстве, которое могло удовлетворить как материальные потребности, так и потребности в престиже.

В XVIII в. материальные награды за подвиги могли распространяться на группы – полки или подразделения, отличившиеся в бою, но ордена с момента своего учреждения были только индивидуальными. Позже и материальная награда все чаще была персональной. Все это делало переживания солдата глубоко личными и способствовало стремлению к собственному подвигу на поле боя. Этот подвиг мог увенчиваться не только орденом, но и смертью. Смерть тоже сделалась личной и начала представлять собой как бы высшую награду честолюбия. Принц де Линь, желая польстить Екатерине II, сказал ей, что, родись она мужчиной, она была бы знаменитым полководцем и выиграла бы сотни сражений. Честолюбивая императрица отвечала ему, что он ошибается: она была бы убита молодой в одном из первых сражений [6, с. 213].

В других источниках XVIII-XIX вв. также находит отражение понимание доблести как проявления честолюбия. В качестве примера обратимся к дневнику потомственного дворянина Н. Д. Дурново, участника Отечественной войны 1812 г. [3]. Мы узнаем, что автор ждет войну, чтобы отличиться и проявить себя. Тем не менее, его как образованного офицера определяют в картографическую службу, лишая тем самым проявить себя на «поле чести». Представления молодого человека о войне в дневнике выглядят совершенно идеализировано. В то же время в его тексте встречаются такие записи, которые свидетельствуют о неготовности терпеть тяготы похода: «Это жестоко – в свои 18 лет трястись в телеге» [Там же, с. 85]. Уже после Бородинского сражения Н. Д. Дурново, наконец, направляют в армию, где он проявил себя в сражении под Малоярославцем и Вязмой, но вскоре был вынужден уехать в Петербург. Перед отъездом он сокрушался: «Я немного жалею, что покинул армию, ибо, совершив всю кампанию, находясь под свистом пуль и ядер, я не получил даже Владимирский крест, тогда как мои товарищи получили многие награды» [Там же, с. 106]. Очевидно, взгляды автора дневника отражают доблесть в системе «амбиции – сражение – почесть». Это доказывается еще одной записью в дневнике: «Отправился в первый раз на Английские горки. Раньше военным вход туда был воспрещен. После последней кампании господа с берегов Темзы нам предоставили эту привилегию в вознаграждение нашей доблести» [Там же, с. 113].

Наряду с проявлениями честолюбия, существовали и другие мотивы проявления доблести. Еще со времен Петра I в среде российского дворянства формируются европейские нормы поведения, которые отличают аристократию как людей, обладающих безупречностью, личным достоинством и честью. Таким способом утверждалась внутренняя свобода привилегированных слоев населения в условиях отечественной монархии, близкой к восточной деспотии.

Нормы поведения требовали от аристократов безупречности не только в вопросах чести, но и в повседневной жизни. Противопоставление «доблести – роскошь» в этот период становится характерным в отношении доблести. «Богатство не заменяет доблести, и Рыцари-Владельцы, некогда сильные презрением жизни, в избыток ее приятностей увидели свою слабость» [5, с. 486]. Так говорит Н. М. Карамзин о рыцарях, которые вместо того, чтобы упражнять свое тело в воинских искусствах, изнежились на пирах. Другими словами, воздержанность, стойкость, готовность преодолевать лишения не только в экстремальных ситуациях, но и когда в этом нет необходимости, тоже являются атрибутами доблести.

Аналогичное понимание доблести отражено и в мемуарной литературе. Пишет гвардейский офицер А. В. Чичерин: «Дождь не перестает, земля превратилась в сплошное болото, но моя палатка защищает меня от воды и ветра, толстое сукно не пропускает холодного воздуха, простой и удобный камелек согревает и очищает воздух, подсушивает землю под моей постелью. Здесь я укрыт от всего, и чего же мне ещё желать? Я ненавижу излишества и роскошь. Богатые дома приятны мне лишь тем, что сулят отдохновение и удовольствие» [11, с. 26]. В дневнике офицера, геройски погибшего в сражении под Кульмом, отразилось мировоззрение человека, воспитанного в духе римского стоицизма, популярного среди русской аристократической молодежи в начале XIX в. Суровый и скромный быт солдата, честный взгляд на происходящие события, на ужасы войны и единственный проявленный «внешний героизм» – достойная смерть – все это говорит о внутренней готовности к подвигу.

Схожее видение доблести прослеживается у декабристов, которые выделялись в этом отношении на фоне роскошного высшего света. Так, например, Л. И. Ивченко приводит пример А. Н. Муравьева, который в одном из тяжелых походов признавался: «Если бы я с молодых лет приучен довольствоваться, не гнушаясь, всякою пищею, то в высшей степени труден был бы у меня этот поход. Тут я на опыте узнал, какой вред наносит молодому организму прихотливость и гадливость, к которым теперь приучаются юноши» [4, с. 307]. «Римская» поэтизация бедности трансформировала аскетизм в доблесть, и это было свойственно многим декабристам, но люди последующего поколения предпочитали не выдавать «нужду за добродетель». Поэтому аскетизм как черта доблести является характерной чертой культуры аристократии эпохи наполеоновских войн.

Но аскетизмом доблесть вовсе не ограничивается. Чтобы установить общий тип должного поведения аристократа, обратимся к комментарию М. Оссовской к эссе Р. У. Эмерсона «Манеры»: «Способность быть самому для себя законом, независимость, самообладание, спокойствие — все это черты прирожденного господина... Эмерсон разделяет мнение тех, кто считал торопливость чертой, недостойной

джентльмена, для которого мало что по-настоящему важно» [8, с. 159]. Таковы наиболее общие принципы должного поведения аристократа.

Когда идеи просвещения глубоко укоренились в среде русского общества, все чаще вставал вопрос не только о личной свободе, но и о гражданской. Появилось устойчивое словосочетание «гражданская доблесть», которая представляла собой радение о сильном и свободном государстве. В условиях самодержавного монархического строя, а следовательно, в условиях максимальной гражданской несвободы, такое «радение» могло быть только протестным.

Одним из первых выразил такой протест А. Н. Радищев. В труде «О человеке, его смертности и бессмертии» [9] он говорил о необходимости героической личности, которая может пожертвовать жизнью ради свободы других. Сам А. Н. Радищев, совершивший самоубийство по примеру римских стоиков, боровшихся таким образом против тиранов и в смерти обретающих свободу, являет собой пример героя-философа, оплачивающего истину собственной кровью.

После А. Н. Радищева тема гражданской доблести поднималась будущими декабристами. Как и А. Н. Радищев, в своем понимании доблести они опирались на римскую традицию. «Кто от зари жизни ознакомился с Леонидами, Эпаминондами, Пелопидами и другими героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. Но Наполеон свеял с умов очарование, навешанное на них Бонапартом; на чреде самовластителя он гонительною рукою оттолкнул от себя и Древний Рим, и Древнюю Грецию: льстило его всемирное римское владычество, но он страшился доблестей Цинцинатов и Регулов» [1]. Смысл слов С. Н. Глинки заключался в том, что Н. Бонапарт сначала был надеждой республики, но позднее стал императором Франции. Память о негативной реакции общества на такую метаморфозу сохранил известный афоризм публициста П. Л. Курье: «Быть Бонапартом и стать императором. Какое падение!» Поэтому Н. Бонапарт, покоритель мира и абсолютный господин страны, в двойной степени посягал на свободу: как тиран и как захватчик. В 1812 г. офицеры сражались за внешнюю свободу, но в лице Н. Бонапарта видели противника свободы внутренней. И когда он был побежден, гражданская доблесть искала своего выхода и нашла его в декабре 1825 г.

Таким образом, русская аристократическая культура вкладывает в категорию доблести разное содержание. Доблесть может представлять собой: 1) высшее проявление честолюбия; 2) проявление моральных императивов или гражданского сознания. В первом случае её ключевыми характеристиками будут «слава», «честолюбие», «награда», т.е. человек действует с надеждой на вознаграждение. Во втором случае доблестные поступки совершаются из стремления к свободе, чести, достоинству – соответствующим будет и содержание категории. Очевидно, что такая разность содержания заключается в неоднородности ценностных ориентиров аристократии, а возникающая омонимия может приводить к ситуации, когда при одном и том же выражении происходит подмена содержания. Очевидно, что эти особенности категории доблести русской аристократии требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Глинка С. Н. Из записок о 1812 годе [Электронный ресурс] // 1812 год: интернет-проект. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/glinka1/glinka.html> (дата обращения: 20.03.2012).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Прогресс; Универс, 1994. Т. 1. А–З. 1762 с.
3. Дурново Н. Д. Дневник 1812 года // 1812 год... Военные дневники. М.: Сов. Россия, 1990. С. 48–113.
4. Ивченко Л. И. Повседневная жизнь русского офицера в эпоху Александра I. М.: Молодая гвардия, 2008. 736 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 3-х кн. СПб.: Кристалл, 2003. Кн. 2. 752 с.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 404 с.
7. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т. I. 744 с.
8. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
9. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии. СПб.: Питер, 2001. 191 с.
10. Сапронов П. А. Феномен героизма. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. 512 с.
11. Чичерин А. В. Дневник Александра Чичерина (1812–1813 гг.). М.: Наука, 1966. 280 с.

“VALOUR” CATEGORY IN RUSSIAN ARISTOCRATIC CULTURE

Ivan Vladimirovich Kotenko
Department of Russian History
Tomsk State Pedagogical University
scipio@lenta.ru

The author reveals the content of the category “valour” from the perspective of Russian aristocratic culture, basing on the culture texts of the end of the XVIIIth – the beginning of the XIXth century considers the qualities that are included in the notion “valour” as well as the aspects of these qualities manifestation, pays particular attention to the sources of personal origin reflecting aristocracy’s worldview, and determines the content duality of the category “valour”, as well as the possibility of the content substitution in the category due to the difference in individuals’ values guidelines.

Key words and phrases: aristocracy; aristocratic culture; text of culture; heroism; valour; fame; ambition; freedom; dignity; honour; patriotism.